Моск. филос. семинар,
1978, Вав.

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННЕНСКИЙ

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

Наша страна вместе со всем миром отмечает в этом году 150-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Сегодня мы начинаем публикацию первых глав книги Л. Анненского «Толстовский экран», подготовленной для издательства «Искусство».

ГЛАВА I. ТОЛСТОЙ И СИНЕМАТОГРАФ. ВСТРЕЧА

27 августа 1908 года встретились герои этой книги. Успели встретиться. Могли ведь и разминуться: один был старец, другой — младенец.

ВОСЕМЬДЕСЯТ лет жизни лежали за плечами старца, уходили в толщу былого, казались уже почти нереальными в новом времени: старинные барские усадьбы детства, свистящие чугунные ядра Севастопольской осады, первые публикации в легендарном некрасовском «Современнике»... Все это был век минувший, все стало преданием. После «Войны и мира» пришла европейская слава, после «Исповеди» — мировая, и тоже успела стать привычной. Уже дважды великий старец отказывался от Нобелевской премии, считая это дело суетным, — и без премии было ясно, что мировой литературный трон (тогда любили подобные выражения) признан за ним безоговорочно. Ясная Поляна сделалась всемирной литературной Меккой, и туда не просто было попасть. С легкой руки Тургенева пристало к ее хозяину особое, специально для него придуманное звание: «Великий писатель земли русской». Он шутил:

— Земли?.. Почему не воды?

ВЕЛИКИЙ старец доживал в своем поместье, как мировая достопримечательность, в окружении людей, которые записывали за ним каждое слово и оберегали его от толпы просителей и попрошайек. Горький, увидев все это, уловил в положении Толстого бесконечное одиночество. Толстой был порожден отошедшим столетием: неясно было только, что именно уходит с этим человеком: то ли столетие, наградившее человечество паром и электричеством, то ли тысячелетие, давшее миру старую Россию, то ли две тысячи лет, исчерпавшие до дна христианскую эру.

ТЕПЕРЬ о младенце.

Младенцу было от роду... впрочем, один энтузиаст уже тогда доказывал, что первым кинематографистом был Архимед, который с помощью увеличительных стекол сжег римский флот под Сиракузами. Привожу этот довод не ради шутки, а единственно потому, что книжку с такой генеалогией кино издал не кто иной, как И. И. Горбунов-Посадов, человек из ближайшего окружения Толстого, причем издал в 1912 году — достаточно близко к интересующему нас моменту. Так что подобные разговоры вокруг Толстого не исключены: младенец был криклив, и его требовательные вопли могли долетать до Ясной Поляны.

А лет ему было — двенадцать полных. И восемь месяцев. Если считать не от Архимеда, а от первого люмьеровского сеанса в подвале Большого Кафе на бульваре Капуцинов в Париже.

Придумали кино французы и американцы. Марэ сделал съемочный аппарат, Эдисон сделал первый фильм, Люмьер сделал экран, на который спроецировал снятое им движение поезда. Попав на экран, поезд развил бешеную скорость; в Россию он прикатил через несколько недель...

В разгар летнего сезона устроены сеансы на Нижегородской ярмарке — о них пишет отчеты в газету «Одесские новости» репортер Пакатус, впоследствии прославившийся под другим своим псевдонимом: Максим Горький.

Ни один серьезный человек в России не относится к этому делу всерьез. В лучшем случае — допускают, что новое развлечение не является порочным и может быть терпимо.

А Толстой? Толстой, который уже четверть века, рискуя прослыть сумасшедшим, зовет живописцев бросить живопись ради того, чтобы рисовать пятикопеечные картинки для народа; зовет музыкантов бросить симфонии и играть на гармошках; зовет писателей бросить поэмы и романы и идти покорять Никольский рынок песенками и сказками, понятными неграмотной массе? Он — почувствовал ли приход того самого искусства, которому суждено охватить массу?

Не будем спешить с ответом. Пока что нужен еще человек, который принесет в Ясную Поляну весть о новом феномене. Нужен вестник. А кругом — скептики.

ВПРОЧЕМ, нет. Был в России человек, который зажегся сразу. Владимир Васильевич Стасов. Старый критик, знаменитый ценитель искусств, об уникальной способности которого восторгаться ходили легенды, а злые языки передавали остроту одного писателя, что Стасов-де может опьянеть и от помоев. И он действительно опьянел при виде первого люмьеровского поезда, покатившего на публику в петербургском саду Аквариум, как мы помним, весной 1896 года. Реакция Стасова была изумительна: в отличие от других зрителей, он не прыгнул со своего кресла, чтобы спастись из-под надвигающихся колес, он... готов был погнаться под колесами, ибо мгновенно вообразил себя **А н н о й К а р е н и н о й!**

И тотчас же отправил в Ясную Поляну послание, где в свойственном ему несколько экзальтированном стиле описал свои чувства: как он буйно сошел с ума, просто одурел и так хлопал в ладоши, словно рехнулся. Стасов адресовал письмо Татьяне Львовне Толстой, но тайно надеялся, что оно попадет на глаза ее отцу, и тогда из груди **ЛЬВА ВЕЛИКОГО** исторгнется восторг по адресу **ГЕНИАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА!!!**

Алл Николаевич не отреагировал.

Стасов решил дождаться удобной минуты. Семь лет он ее ждал и, наконец, летом 1903 года, гостя в Ясной Поляне, предложил Толстому поговорить для кинематографа. Услышав слово «поговорить», Толстой не стал и обсуждать это предложение.

Софья Андреевна, однако, отнеслась к нему иначе: после отъезда Стасова она кое-как уломала мужа и тотчас просигналила в Петербург: он согласен! Только, Владимир Васильевич, куйте железо, пока горячо, пока мой гениальный старик в благодушном настроении!

Стасов немедленно развил бурную деятельность, графине же написал в таком духе: Ах, какое счастье! О, как великолепно! Потомки увидят **ЛЬВА ВЕЛИКОГО!** Его светящиеся глаза! Как она стоит и ходит, напоминая восточную Лира! Напоминает Моисея, сходящего с горы Хорив! Договариваемся с фирмами Эдисона и Люмера! Ждите! Ведь о каком человеке речь идет!!!

Увы, письмо Стасова пришло в Ясную Поляну в недобрый час. Софья Андреевна была в отъезде. Лев Николаевич прочел адресованное ей послание. И написал следующее: «Дорогой Владимир Васильевич!.. Ради нашей дружбы, бросьте это и избавьте меня от этих фонографов и кинематографов. Мне это ужасно неприятно, и я решительно не соглашусь позировать».

Владимир Васильевич пришел в полное отчаяние: он ведь действительно успел договориться с иностранными кинофирмами! Софья Андреевна прислала ему утешительное письмо: ну, может быть, со временем кто-нибудь из господ иностранцев вроде Николаевича из сожеления и деликатности не откажет поговорить и подвигаться в эти машины...

Это было последнее свидание Стасова с Толстым: в 1906 году Стасов умер, так и не осуществив своей грандиозной мечты.

Однако господа иностранцы уже принялись действовать самостоятельно, причем без всяких гарантий.

Томас Эдисон прислал Толстому в подарок фонограф и киноаппарат. Он действовал через В. Г. Черткова, и вскоре при этом главном толстовце появился англичанин по фамилии Тапсель, в задачу которого входило техническое обеспечение съемок — устраивать же сеансы брался сам Чертков.

Пришел в действие и Шарль Патэ.